

Слабый переезд в русском языке: сравнение двух экспериментальных методик

Паско Лада Игоревна
МГУ им. М.В. Ломоносова, ИЯз РАН
paskolada@yandex.ru

Введение. На связывание прономинатов из \bar{A} -позиции накладываются ограничения. Так, в некоторых языках наблюдаются эффекты слабого переезда (*Weak Crossover*, WCO). Они заключаются в пониженной приемлемости предложений, где антецедент прономината с-командует им из \bar{A} , но не из базовой позиции; при WCO прономинат, в свою очередь, не с-командует своим антецедентом, (1). Исследователи по-разному оценивают уровень неприемлемости предложений с WCO — в литературе встречаются различные интроспективные оценки: ? / ?? / ?* / *. Ситуация усложняется влиянием дополнительных факторов; в частности, предполагается, что дискурсивная связанность вопросительной составляющей (например, *какая девочка* vs *кто*) повышает оценки, см. обсуждение в работах [Lasnik & Stowell 1991; Falco 2007]. Наблюдения о вариативности и градуальности оценок предложений с WCO стали предпосылкой для экспериментальных исследований [Fanselow et al. 2005; Kush et al. 2017; Felser & Drummer 2017; Ross et al. 2022; Bruening 2022]. При этом применение экспериментальных методов к WCO — нетривиальная задача: любое предложение с эффектами WCO может интерпретироваться без таковых, если составляющая в \bar{A} -позиции и прономинат не коиндексированы. Следовательно, стандартная для экспериментального синтаксиса методика вынесения оценки приемлемости не может быть использована без дополнительных модификаций — неясно, какую именно интерпретацию предложения оценивают испытуемые.

- (1) ?[?][Which girl]_i does her_i mother love t_i?
 ‘[Какую девочку]_i ее_i мама любит t_i?’

Проблема. Типологические границы распространения эффектов WCO неясны. Они однозначно присутствуют в английском языке, на материале которого изучались изначально, однако едва ли это можно считать универсалией — в качестве контрпримера можно привести йоруба, в котором WCO предположительно отсутствует [Adesola 2006]. Наше исследование было призвано ответить на вопрос о существовании эффектов WCO в русском языке. Этот феномен неоднократно привлекался в качестве диагностики при анализе других явлений русского синтаксиса (см., например, [Bailyn 2004; Lavine & Freidin 2002; Ivlieva 2007; Boneh & Nash 2017; Bondarenko & Davis 2023]), однако само предположение о наличии WCO выступало в качестве исходного допущения и отдельно не обсуждалось.

Эксперименты. Для получения объективных оценок мы провели два эксперимента с применением методик, по-разному решающих проблему неоднозначности предложений с WCO. Лексическое наполнение стимульных предложений в экспериментах полностью совпадало. В обоих экспериментах рассматривалось вопросительное передвижение одушевленных объектов в зависимой клаузе, прономинат занимал позицию посессора в субъекте этой клаузы; дискурсивная связанность вопросительной составляющей выступала в качестве одного из факторов. Для анализа результатов обоих экспериментов применялись линейные смешанные модели и попарные сравнения методом Тьюки. **Эксперимент 1** (99 респондентов) был стандартным экспериментом на оценку приемлемости по шкале Ликерта 1–7; интерпретация, в которой испытуемые оценивали стимульные предложения, контролировалась лишь косвенно. Для этого использовалась парадигма несовпадения рода (*gender mismatch paradigm*) — подобное решение

принимается в исследовании [Kush et al. 2017] и последующих работах. Ключевое предположение в основе этой методики заключается в следующем: у носителей возникают трудности с интерпретацией прономиналов, лишенных антецедента в предложении и в более широком контексте в целом; это ведет к пониженной оценке приемлемости [Osterhout & Mobley 1995; Gordon & Hendrick 1997]. В нашем эксперименте предложения с потенциальным WCO сравнивались с теми, где у прономинала не было морфологически соответствующего антецедента. Вслед за [Kush et al. 2017] мы предположили, что если из-за WCO прономиналы не связываются вопросительными составляющими, то предложения с такой конфигурацией будут оцениваться так же низко, как те, где у прономинала однозначно нет антецедента. Дизайн включал две независимые переменные: 1) РОД — совпадение рода прономинала с другими ИГ в клаузе (МАТР — с субъектом матричной клаузы / ЕМВ — с объектом зависимой клаузы / NO — ни с тем, ни с другим), 2) объект — тип объекта, передвинувшегося на периферию зависимой клаузы (PROP — топикализованное имя собственное / WH_NP — дискурсивно связанная вопр. сост. / WH — дискурсивно не связанная вопр. сост.). Примеры некоторых условий приводятся в (2). Оказалось, что условия с WCO оцениваются на том же уровне, что условия, где у прономинала нет антецедента¹. По логике исследования [Kush et al. 2017] это означает, что WCO в русском — категоричное ограничение, полностью блокирующее связывание. Также Э1 демонстрирует отсутствие контраста по дискурсивной связанности². **Эксперимент 2** (93 респондента) напрямую обращался к интерпретации предложений. Испытуемые должны были выбрать возможный антецедент прономинала из четырех вариантов: А. субъект матричной клаузы, В. объект зависимой клаузы, С. или первый, или второй, D. нет правильного ответа. В дальнейшем был осуществлен переход к бинарной зависимой переменной — возможности связывания объектом зависимой клаузы. Отличие стимульного материала от Э1 заключалось в уровнях первой переменной: вместо уровня NO выступал ВОТН — род прономинала, субъекта матричной клаузы и объекта зависимой клаузы совпадает. Э2 показал, что в конфигурации WCO связывание прономинала вопросительной составляющей выбирается примерно в половине случаев (в среднем 46,92%, условия [ЕМВ + WH_NP] и [ЕМВ + WH]) — другими словами, WCO ограничивает связывание, однако не является категоричным ограничением. Между условиями, различающимися дискурсивной связанностью, наблюдаются значимые различия³.

- (2) а. Света спросила, какого родственника его тётя выписала из московской квартиры. [ЕМВ + WH_NP, *ожидается слабый переезд*]
 б. Артём спросил, какого родственника её тётя выписала из московской квартиры. [NO + WH_NP, *однозначно нет антецедента прономинала*]
 в. Света сказала, что Диму его тётя выписала из московской квартиры. [ЕМВ + PROP, *контрольное условие без вопросительного передвижения*]

Обсуждение. Полученные в рамках двух экспериментов результаты различны: если Э1 косвенно свидетельствует о строгости WCO, то Э2 демонстрирует, что WCO — мягкое ограничение; дискурсивная связанность оказалась значимым фактором только в Э2. В ходе доклада мы покажем, что на самом деле эти различия мнимые и кроются в интерпретации результатов Э1. Обобщение результатов двух экспериментов позволяет сделать следующие выводы: в русском языке есть эффекты WCO; они характеризуются средней силой — WCO не блокирует связанную интерпретацию прономинала в

¹ [NO + WH_NP] = [ЕМВ + WH_NP], p-value = 0,1936; [NO + WH] = [ЕМВ + WH], p-value = 0,9592.

² [ЕМВ + WH] = [ЕМВ + WH_NP], p-value = 0,2529.

³ [ЕМВ + WH] < [ЕМВ + WH_NP], p-value = 0,0489.

половине случаев, предложения с такой интерпретацией получают средние оценки приемлемости; дискурсивная связанность повышает вероятность связывания прономинала вопросительной составляющей в конфигурации WCO.

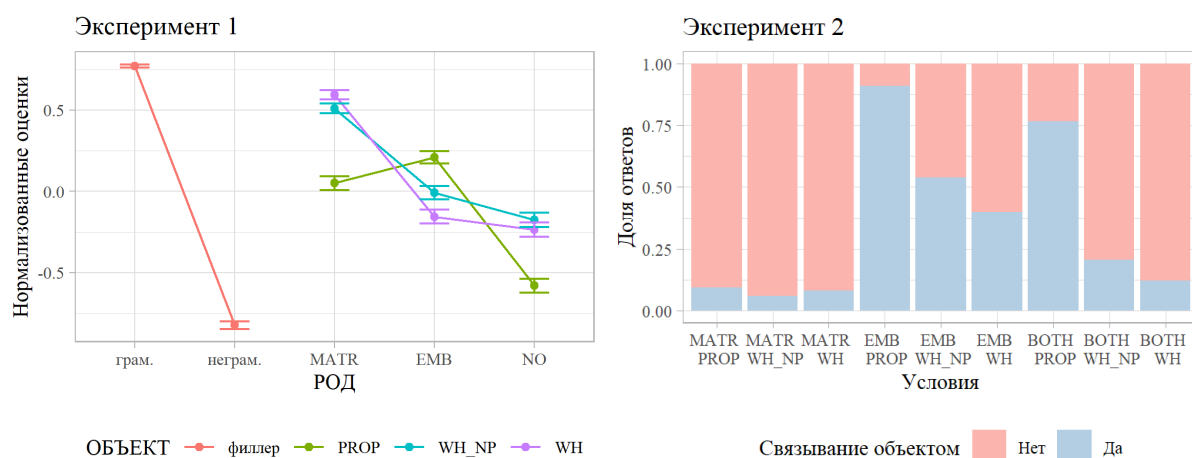

Рисунок 1. Результаты экспериментов.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00037-П, <https://rscf.ru/project/22-18-00037/>, реализуемого в МГУ имени М.В. Ломоносова.

Литература

- Adesola 2006** — Adesola O. On the absence of superiority and weak crossover effects in Yoruba // *Linguistic inquiry*. 2006. Vol. 37. No. 2. P. 309–318. **Bailyn 2004** — Bailyn J.F. Generalized Inversion // *Natural Language & Linguistic Theory*. 2004. Vol. 22. No. 1. P. 1–50. **Bondarenko & Davis 2023** — Bondarenko T., Davis C. Concealed pied-piping in Russian: On left-branch extraction, parasitic gaps, and the nature of discontinuous nominal phrases // *Syntax*. 2023. Vol. 26. P. 1–40. DOI: 10.1111/synt.12245. **Boneh & Nash 2017** — Boneh N., Nash L. The syntax and semantics of dative DPs in Russian ditransitives // *Natural Language & Linguistic Theory*. 2017. Vol. 35. P. 1–55. DOI: 10.1007/s11049-017-9360-5. **Bruening 2022** — Bruening B. Locative Inversion, PP Topicalization, and Weak Crossover in English // *Journal of Linguistics*. 2022. Vol. 58. No. 4. P. 739–757. DOI:10.1017/S0022226721000414. **Falco 2007** — Falco M. Weak Crossover, specificity and LF chains // *Coreference, modality and focus* / L. Eguren, O. Fernandez Soriano (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2007. P. 19–44. DOI: 10.1075/la.111.03fal. **Fanselow et al. 2005** — Fanselow G., Kliegl R., Schlesewsky M. Syntactic variation in German wh-questions: Empirical investigations of weak crossover violations and long wh-movement // *Linguistic Variation Yearbook*. 2005. Vol. 5. P. 37–63. **Felser & Drummer 2017** — Felser C., Drummer J.D. Sensitivity to Crossover Constraints During Native and Non-native Pronoun Resolution // *Journal of psycholinguistic research*. 2017. Vol. 46. P. 771–789. DOI:10.1007/s10936-016-9465-8. **Gordon & Hendrick 1997** — Gordon P., Hendrick R. Intuitive knowledge of linguistic co-reference // *Cognition*. 1997. Vol. 62. No. 3. P. 325–370. **Ivlieva 2007** — Ivlieva N. Parasitic gaps in Russian // *Annual workshop on Formal Approaches to Slavic Linguistics: The Toronto meeting* / R. Compton, M. Golezinowska, U. Savchenko (eds.). Ann Arbor, MI: Michigan Slavic Publications, 2007. P. 132–140. **Kush et al. 2017** — Kush D., Lidz J., Phillips C. Looking forwards and backwards: The real-time processing of Strong and Weak Crossover // *Glossa*. 2017. Vol. 2. No. 1. Article 70. P. 1–29. DOI:10.5334/gjgl.280. **Lasnik & Stowell 1991** — Lasnik H., Stowell T. Weakest Crossover // *Linguistic Inquiry*. 1991. Vol. 22. No. 4. P. 687–720. **Lavine & Freidin 2002** — Lavine J., Freidin R. The Subject of Defective Tense in Russian // *Journal of Slavic Linguistics*.

2002. Vol. 10 1/2. P. 251–287. **Osterhout & Mobley 1995** — Osterhout L., Mobley L.A. Event-related brain potentials elicited by failure to agree // *Journal of Memory and Language*. 1995. Vol. 34. P. 739–773. DOI: 10.1006/jmla.1995.1033. **Ross et al. 2022** — Ross H., Chierchia G., Davidson K. Quantifying weak and strong crossover for wh-crossover and proper names // *Proceedings of Sinn Und Bedeutung*. 2022. Vol. 27. P. 535–553. DOI: 10.18148/sub/2023.v27.1085